

Прикосновения
к былому

Дмитрий Красавин

Дмитрий Красавин

Прикосновения к прошлому

«Издательские решения»

Красавин Д.

Прикосновения к былому / Д. Красавин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855531-2

Воспоминания лучше, чем любой другой жанр, позволяют читателю ощутить биение сердца живого или жившего когда-то человека. Узнавая других, мы лучше понимаем себя, а значит — становимся добрее друг к другу. В первой части книги вы увидите прошлое глазами моей сестры. Довоенное детство, эвакуация, институт, замужество — все личное, но через личное проступает образ эпохи. Вторая часть книги состоит из коротких новелл о жизни городского двора, о первой любви, о том, как мальчик становится мужчиной.

ISBN 978-5-44-855531-2

© Красавин Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
По воспоминаниям моей сестры	7
26 ноября 2016 года	7
Довоенные годы	8
Бабушка Лиза, дедушка Алексей и его наследство	12
Начало войны и эвакуация	15
Уфа	19
В Новинках	22
Голодное детство	26
После войны	28
Конец сороковых	30
Вторая школа	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Прикосновения к быломu

Дмитрий Красавин

Иллюстратор Дмитрий Красавин

© Дмитрий Красавин, 2019

© Дмитрий Красавин, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-5531-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Искренность чувств, сила переживаний притягивают нас гораздо больше, чем изложенные сухим языком факты и мысли. Если при этом мы вдруг каждой клеточкой тела ощутим, что все изложенное в книге действительно не плод авторской фантазии, а реальная жизнь, то наше восприятие еще более углубится, потому что осознание реальности описываемых событий, чувств, дум героя создает атмосферу доверия между автором и читателем. Не так ли? Ни умные статьи, ни учебники по истории не способны донести до нас образы былого столь явственно, как доносят их пропущенные через сердце свидетельства очевидцев. Открывая сокровенные тайны другого, мы подсознательно ищем их сходства с нашими тайнами, а обнаружив таковое, находим утешение и оправдания для самих себя, лучше пониманием окружающих нас людей и время, в котором живем.

Основу первой части этой книги составили воспоминания моей сестры Красавиной Эльвиры. На протяжении нескольких недель она записывала в общую тетрадь все, что помнила о жизни наших родителей, бабушек и дедушек, о семье, о себе и своих подругах. Я систематизировал ее записи, снабдил комментариями, примечаниями, дополнил рассказами нашей двоюродной сестры Эллы Ильиной (Лятти) и брата Алексея Красавина, присовокупил немного от себя. В заключение распечатал текст на принтере и показал сестре. Она внесла небольшие корректировки, исправила допущенные мною неточности в изложении событий и дала добро на включение текста под заголовком «По воспоминаниям моей сестры» в эту книгу.

Вторая часть книги состоит из коротких новелл-зарисовок, повествующих о жизни городского двора, о первой любви, о событиях, участником или свидетелем которых был я сам. Каждая из них самостоятельна, как камушек. Но как камушки, будучи тщательно подобранными и расположенными в определенном порядке, приобретают другую ценность, становятся мозаикой, так и эти новеллы в своей совокупности образуют яркую картину, в которой на фоне реальных событий прорисован процесс превращения мальчика в мужчину.

Буду рад, если прочитав книгу, вы найдете время для отзыва. Ваше мнение, будучи позитивным, придаст сил для написания новых книг, а негативный отзыв подвигнет искать пути к совершенству.

Написать отзыв можно в разделе «Контакты» на моей странице в интернете – www.dkrasavin.ru

Дмитрий Красавин

По воспоминаниям моей сестры

26 ноября 2016 года

«Правнуки должны знать, как жили их предки, иначе вырастут Иванами, не помнящими родства, – говорила мне дочь, приезжая в гости, и просила: – Мама, ну пожалуйста, запиши в тетради все, что рассказывала мне о своей жизни, о наших родственниках, о прошлом».

Чтобы успокоить ее, я обычно отвечала: «Соберусь с силами и как-нибудь запишу».

Она улетала к себе за океан, и это «как-нибудь» растягивалось на годы.

В этот свой приезд она разложила передо мной семейные альбомы, и мы вместе стали их листать.

– А кто на этой фотографии? А кто здесь слева от тебя? – без конца спрашивала Аня.

Я отвечала, увлеклась нахлынувшими воспоминаниями, стала делиться ими с дочерью.

– Ты записала бы всё в тетрадь, – снова попросила она.

– Обязательно запишу, – ответила я.

– Как-нибудь? – немного с ехидцей поинтересовалась она.

– Ты уедешь, чуть отдохну, и в ноябре начну хоть по строчке, но каждый день писать.

Ноябрь на исходе. Сил с годами не прибавляется, но обещания должно выполнять. Помоги мне, Господи!

Довоенные годы

Мои мама, Красавина (*Филаткина*) Вера Васильевна¹, и папа, Красавин Антон Алексеевич², в начале тридцатых годов работали на 26-м заводе³ в одном цехе, оба были общественно активными. Митинги, субботники, комсомольские дела – так и познакомились. Маме тогда было 20 лет, она была мологжанкой, а папе – 25, он был коренным рыбинцем и только что вернулся из армии. После свадьбы они стали жить вместе в родительском доме у папы в Рыбинске на улице Герцена, напротив Сенного рынка.

Мои мама и папа. Этими фотографиями они обменялись друг с другом в 1933 году

19 октября 1934 года родилась я. Родители долго не могли придумать мне имя. Тогда было модно, в духе времени, называть девочек Идеями, Революциями, Тракторинами, Октябринами. Мама тоже любила неординарные имена. В свое время она настояла, чтобы ее младших братьев назвали именами героев прочитанных ею книг – одного Ординером, а другого Адольфом. Но то были мальчики, а тут девочка – имя должно быть и красивым, и женственным, и нестандартным. Попробуй-ка найти! Выручил муж папиной сестры, тети Ксени, родившийся в Сибири эстонец Иоганн Лятти⁴, который предложил назвать меня Эльвирой. Предложение было принято на ура. А летом следующего года в семье Лятти тоже родилась дочь, моя двоюродная сестра, которой дали имя – Элла. По сходству имен родные нас стали называть

¹ Мама родилась в Мологе в ночь на Рождество в 1912 году. После нее в семье было еще пятеро детей: четыре мальчика и девочка Настя, которая умерла во младенчестве. В начале 20-х годов бабушке подбросили больного ребенка, мальчика. Она приняла его, но выходить не удалось – умер. Мама закончила в Мологе церковно-приходскую школу, и отец заявил, что для девочки этого более чем достаточно, ее призвание – кухня и дети. Мама сама много училась и читала, окончила курсы медсестер, курсы счетоводов, работала по комсомольской путевке на торфяниках в Костромской области, потом станочницей на моторостроительном заводе. Была членом партии, но в 1939 году, когда сидела дома со мной и Володей, ее исключили из партии – причина мне неизвестна.

² Папа родился 26 ноября 1907 года в Рыбинске в обеспеченной семье. На каждого ребенка были открыты вклады в банке, но после революции все вклады пропали. Семья бедствовала. Папе перед армией пришлось некоторое время на дармовщину, за хлеб да воду, работать учеником у плотника. Если маму в семье окружали братики, то папу – сестренки: Ксения, Мария и Клавдия.

³ 26-й завод – так в период с 1928 по 1942 год именовалось крупнейшее оборонное предприятие СССР – завод по производству авиационных моторов, созданный на площадках дореволюционного автомобильного завода «Русский Рено». К началу войны с конвейеров завода сходило по 38 авиамоторов в сутки. С 1946 по 1965 год наименование завода было п/я 20. Рыбинцы называли его просто «двадцатый». В 2001 году завод вошел в состав НПО «Сатурн».

⁴ Иоганн Лятти – родился в 1907 году в семье переселенцев из Эстонии (деревня Ивановка Калачинского уезда Омской губернии), офицер Красной армии, перед арестом – помощник командира 51 стрелкового полка в г. Арзамасе. Арестован 2 августа 1938 года, обвинен по статье 58—6 УК РСФСР и приговорен Особым совещанием при НКВД СССР к 5 годам ИТЛ. Освобожден в 1944 году, но к семье в Рыбинск вернуться не смог – 12 июня 1944 года умер от инфаркта в Краслаге. Реабилитирован 27 марта 1958 года военным трибуналом МосВО.

Элка белая (*моя двоюродная сестра*) и Элка черная (*я*). 10 августа 1937 года у меня появился первый братик. С его именем долго не мудрили и назвали Володей.

Жили мы в единственном тогда на весь квартал двухэтажном доме. Жили в тесноте, но не в обиде. Наша семья ютилась на первом этаже. За построенной в помещении кухни перегородкой в длину стояли кровать и впритык к ней диван, в ширину – стол и этажерка, а с другой стороны этажерки – небольшое пустое пространство, куда меня, а позже и моего братика иногда ставили в угол за какие-нибудь шалости. Посередине наружной стены смотрело на улицу единственное в нашей комнате окно. Примерно в метре от двери находились печка-лежанка и прижимавшийся к ней комод. В другой комнате через коридор от нас жили бабушка Лиза (*мать папы*) с тетей Маней (*папина младшая сестра*).

Удобств в доме никаких. Туалет – дырка на возвышении в углу коридора. За водой ходили на Сенной рынок, а мыться – в общественную баню.

Вдоль улицы в сторону реки Черемухи часто ездили лошади с бочками, в которых находилось содержимое туалетов. Вонь от этих повозок была страшная.

Бабушка работала администратором кинотеатра «Артек»⁵. (*Сейчас на месте украшавшего когда-то главную улицу города здания кинотеатра построен безликий Дом моды.*) Мы с братом Вовой, когда он чуть подрос, часто ходили к ней в «Артек» смотреть фильмы. Ходили одни. Бабушка пропускала нас без билетов. Особенно нравились цветные фильмы. «Сорочинскую ярмарку» смотрели раз десять. Однажды, когда один из героев фильма запел песню, трехлетний Вова, уже знавший ее слова наизусть, в унисон с артистом заорал во весь голос: «Сам пью, сам гуляю, сам все деньги пропиваю». Зал ответил хохотом, а бабушка нас потом сильно ругала.

Полоскать белье и летом и зимой ходили с мамой на Волгу. В начале Пролетарской улицы (*ныне ей возвращено историческое название — Стоялая*) на берегу реки был деревянный домик с прорезью в полу. Там и полоскали белье. Зимой руки краснели на морозе, пальцы деревенели, а белье, если вовремя его не свернуть и не уложить в бельевую корзину, вставало колом.

Недалеко от домика находилась пристань, откуда летом ходил паром на другую сторону реки, к Петровскому парку⁶. В этом парке устраивались различные городские праздники. Однажды мы были там всей семьей. Мама с папой пошли к ларьку, чтобы купить для нас с Вовой по прянику, а нам наказали сидеть до их возвращения на скамейке. Я отвлеклась, и Вова куда-то убежал. Мама с папой долго его искали, все избегались – народу много, даже съездили на пароме в город к бабушке Лизе – нет нигде. Заявили в милицию. На следующее утро мама снова поехала в парк и там, на берегу, среди сплавных бревен, с какой-то женщиной увидела Вову. Женщина сказала, что подобрала ребенка на этом месте вечером. Радости не было предела, все успокоились.

⁵ Кинотеатр «Артек» – так в 1937 году переименовали существовавший с дореволюционных времен кинотеатр «Модерн». В 1963 году «Артек» закрыли, прекрасное историческое здание снесли «по ветхости».

⁶ Петровский парк – часть национализированного после революции родового имения дворян Михалковых, предков именитых деятелей культуры России двадцатого века: Сергея Михалкова и двух его сыновей, кинорежиссеров Никиты Михалкова и Андрея Кончаловского. В настоящее время парк и набережная запущены, усадебный дом полуразрушен.

Дворец культуры двадцатого завода в годы моего детства

Тетя Маня замужем не была, всю жизнь проработала заведующей читального зала библиотеки Дворца культуры⁷.

Я научилась читать в 6 лет, и ходила в эту библиотеку одна. Там всегда была очередь. Сдаешь книгу, а тебя спрашивают о ее содержании – так исподволь у детей развивали память, умение пересказывать прочитанное.

На углу улиц Свободы и Герцена вся площадь была окружена металлическим забором, за которым стояли зенитки. Однажды я шла из библиотеки, стало любопытно – что там солдаты у пушки делают. Остановилась, прильнула к прутьям забора и уронила за них книгу. Книга была «Что такое хорошо и что такое плохо». Долго пыталась достать ее и рукой, и палочкой – не получалось. Солдаты увидели, подошли, подняли книгу, прочитали всю вслух с выражением и просунули через прутья мне в руки. Домой бежала с радостью.

В соседних с нами домах жило много моих ровесников. Мы все дружили, играли вместе. Зимой однажды очень испугались луны.

Конец декабря. Мороз. Темно – фонарей тогда на улице было мало. Луна висит над городом – огромная, яркая, живая и прямо на нас смотрит. Мы стали бегать от нее. Куда ни побежим – она за нами следом. Встанем – и она стоит. Пробовали ее обмануть – разбегались одновременно по разным сторонам, но луна умудрялась бежать по небу за каждым в отдельности. Так перепугались, что домой провожали друг друга, трясясь от страха.

В магазинах все продавалось только по карточкам и в очень малых количествах. Папа в качестве премии приносил с завода по 4 метра ситца. Как-то раз мама выкупила и принесла домой месячный паек сливочного масла, который весь убрался в небольшую керамическую масленку. Кто из нас его первым попробовал, я или Вова, – сейчас уже не помню. И началось: «Ты взял больше!», «Нет – ты!». Так весь месячный паек в один присест и съели. Маме сказали, что приходил волк и съел масло. А потом долго с Вовой гадали, как она догадалась, что съели мы, а не волк.

Был еще до войны и такой случай. У нас в глубине двора была на каждую квартиру своя сарайка для дров. Однажды папа пошел в нашу сарайку, я за ним. На голове моей был огромный бант. Мне на голову взлетел соседский петух и вцепился в бант. Я заорала. Папа схватил полено и сшиб им петуха. Хорошо, что не по голове.

Другой раз я по приставной деревянной лестнице залезла на крышу нашего дома. Высота приличная – все соседские крыши внизу как на ладони. С конька спустилась на край. Хожу,

⁷ Дворец культуры моторостроительного завода – построен в 1937 году, памятник советской архитектуры 30-х годов: величественный парадный портик со скульптурным горельефом на фасаде, роскошное внутреннее убранство с мраморными мозаичными полами и декоративными палехскими росписями. Был местом проведения наиболее значимых торжеств, концертов. Помимо клубной части и двух кинозалов, во дворце работали библиотека, читальные залы, многочисленные кружки по интересам, творческие студии. В настоящее время Дворец переименован в клубный комплекс «Авиатор», который включает в себя концертный зал, офисный центр, спорткомплекс и ресторан.

вниз заглядываю – интересно с высоты и на наш двор посмотреть. Мама увидела, обомлела вся, но виду не подала, стала меня тихо так, спокойным голосом уговаривать слезть вниз, а сама встала у лестницы и расправила подол, чтобы, если, не дай бог, сорвусь – поймать. Я слезла. Ох, потом уж мне и досталось за это «спокойствие»!

Во дворе нашего дома была голубятня. Мне стало любопытно – как там живет птичкам. Решила прочувствовать, вообразила себя голубкой и залезла вовнутрь, а выбраться назад – не получается. Разревелась. Мама сначала понять не могла – откуда раздается мой рев. Потом нашли, вытащили.

Мама ушла на Сенную, я решила, пока ее нет, помочь ей по хозяйству. Взяла золу, насыпала на стулья и растерла тряпкой. Мама пришла в ужас от такой помощи.

Бабушка Лиза подарила нам с Вовой по большому ватному цыпленку. Утро. В комнате холодно. Мама затопила печь. Мы с Вовой, замерзшие, к печке ближе жмемся. Но цыплятам ведь тоже холодно! Вот мы и решили их погреть, поставили вплотную к чугунной печной дверце. Цыплята моментально вспыхнули и сгорели. Ну и ревели же мы с ним на весь дом в два голоса.

Бабушка Лиза, дедушка Алексей и его наследство

На праздники все собирались за столом у бабушки Лизы: мы всей семьей, тетя Ксения с Эллой и Региной (*мои двоюродные сестры*), тетя Клава (*младшая сестра папы, в замужестве Хомутова*) с мужем Петром⁸. У бабушки был большой круглый стол, таких столов я больше ни у кого не видела. Очень любили петь русские песни: «Вечерний звон», «Пряху», «Когда я на почте служил ямщиком» и другие. У тети Ксени и папы были хорошие голоса. На Новый год к шифоньеру приставляли маленькую скамеечку, и все внуки по очереди взбирались на эту импровизированную сцену, пели песни, рассказывали стихи. Если в Рыбинске были Иоганн и Петр, они выворачивали свои военные полушубки, один становился волком, другой – медведем, и играли с нами, а мы с визгом от них прятались.

Бабушка Лиза была очень набожной. Перед небольшим домашним иконостасом в красном углу дома у нее всегда горела лампадка.

Она часто ходила в церковь «У Егория» – единственный тогда действовавший в городе православный храм⁹.

«У Егория» – храмовый комплекс. На переднем плане церковь Георгия Победоносца, позади нее Вознесенская церковь

Бабушка и мне пыталась привить зачатки веры. Однажды она скрытно от моих родителей сводила меня в церковь (*мама узнала об этом, когда я рассказала ей, что «была там, где много народу, все кланяются и тыкаются мне попами в лицо»*). Потом я выучила с ней молитву, которую каждый вечер втайне от всех читала перед сном. И наконец, когда мы с ней были в гостях у другой моей бабушки, бабы Мани, в деревне Новинки¹⁰, она меня и Вову свозила в село Козлово и там в сельской церкви тайком от всех родственников (*папа и мама были членами партии – им за это могло влететь по партийной линии, а баба Маня всех попов считала лицемерами и дармоедами*¹¹) нас окрестили. Мне при крещении дали новое имя – Елизавета, и бабушка говорила: «Запомни, ты – Елизавета».

⁸ Петр Хомутов погиб в боях с японцами в 1938 (1939?) году на Дальнем Востоке. Тетя Клава до конца жизни оставалась холостой. С дочерью Валентиной (в замужестве Кулакова) после войны они жили в доме у бабушки Лизы до его сноса. С другими родственниками, и с нами в том числе, общались очень редко. Почему так было, я не знаю.

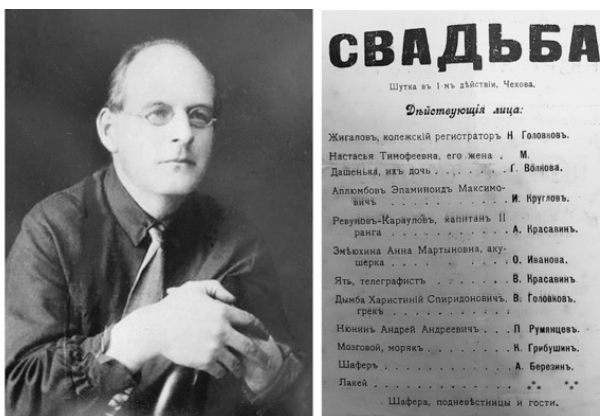
⁹ «У Егория» – протонародное название храмового комплекса при городском кладбище. Комплекс состоит из двух храмов: в честь Вознесения Господня (год постройки 1809) и Георгия Победоносца (год постройки 1790). Храм Георгия Победоносца в 1930 году был закрыт. Службы проводились только в Вознесенском храме.

¹⁰ Деревня Новинки – небольшая деревня на берегу реки Сутки во Флоровском сельском округе Мышкинского района Ярославской области. Бабушка Маня купила там маленький домик в 1938 году на деньги, полученные от государства в качестве компенсации за большой пятистенный дом, оставленный в Мологе. Вначале они с мужем планировали начать строительство жилья на землях, выделенных молотгжанам на Слипе, но муж умер от инфаркта, старшего сына Анатолия забрали в армию, а ей одной с малыми детьми строительство было не под силу – вот и пришлось искать крышу там, где подешевле.

¹¹ Откуда у бабушки Мани была такая ненависть к священнослужителям, я не знаю. Возможно, причин несколько. До замужества она была в прислугах у священника. Рассказывала, что тот, призывая паству поститься, сам в своем доме даже на страстной неделе к наливочкам прикладывался. В Новинках она прослыла колдуньей, так как знала травы лечебные, погоду очень

Всю жизнь она прожила в маленькой комнатке с печным отоплением и водой, носимой по нескольку раз в день ведрами из колонки на Сенном рынке. За неимением места спала на большом сундуке у печи. Папа почти каждый выходной ходил помогать ей и тете Мане, а также тете Ксене, которая после ареста мужа вместе с дочерьми переехала из просторной квартиры в новом каменном доме на Соборной площади в крошечную комнатку в старом деревянном доме на улице Луначарского. У бабушки для папы всегда была припасена чекушка водки, что не нравилось маме. Бабушка иногда покуривала, но только самые дорогие тогда сигареты «Казбек». Без молитвы за стол она никогда не садилась. Нас, внуков, встречала очень радушно, у нее всегда были для нас припрятаны пряники или сладкие сухарики. На стол ставила ведерный самовар. Мы терпеливо ждали, когда она помолится и сядет за стол. До этого ничего трогать на столе было нельзя – получишь ложкой по лбу.

Бабушка Лиза подарила мне старинную книгу по рукоделию, серебряную чайную ложку, бусы из натурального жемчуга. Ложка и книга сохранились до сегодняшнего дня, а жемчуг на бусах слегка потемнел, я взяла да и покрыла все бусинки красным лаком для ногтей и подарила соседке Ольге – потом жалела.

На левой фотографии мой дедушка за два года до ареста. На правой – театральная афиша 1917 года. Среди исполнителей как мой дедушка (А. Красавин), так и его племянник (В. Красавин)

С мужем, папиным отцом¹², бабушка была в разводе. Будучи одним из самых обожаемых публикой рыбинских актеров¹³, он пользовался вниманием женщин. В середине двадцатых

точно предсказывала. А вот в гаданья не верила – гнала цыганок с порога метлой. В красном углу дома перед иконой всегда теплилась лампадка, – значит, в Бога все же верила, но как-то по-своему. А еще ей многократно снились вещие сны, но об этом позже.

¹² Папин отец, мой дедушка Красавин Алексей Сергеевич родился в 1888 году в большой купеческой семье. По профессии был бухгалтером и работал в различных финансовых и промышленных учреждениях города, а по призванию – артистом, играл на сцене гарнизонного театра. В ноябре 1941 года был осужден приговором военного трибунала войск НКВД Ярославской области по 58 статье к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества. Умер в Софийской тюрьме г. Рыбинска в 1943 году. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован 2 сентября 1992 года.

¹³ О былой актерской славе дедушки говорят передающиеся по линии старших сыновей золотые рюмки, подаренные ему за роль купца Гордея в пьесе Островского «Бедность не порок». В архиве НКВД в папке с протоколами допросов подшита вырезка из городской газеты от 18 января 1922 года, автор заметки Антон Молот так пишет о моем дедушке: «Игра Красавина показывает, что перед нами сильный трагик, талантливый артист, который не только хороший техник, но живет своей ролью, впитывает ее в себя. В его исполнении Любим Торцов – жизненная и правдивая личность. По силе игры Красавин как трагик занимает, пожалуй, первое место в среде рыбинских артистов. В „Непогребенных“ он создал в стиле произведений Достоевского совершенно оригинальный тип ненормального деспота – отца, благодаря которому гибнет вся семья. В общем, Красавин мог бы играть на любой театральной сцене». В этой же папке я нашла «Адрес от сослуживцев-почитателей по Рыбгубфинотделу» с десятками подписей. В Адресе сослуживцы выражают ему свою признательность за «искреннее, любовное отношение на поприще актера» и дарят 101 рубль. Со слов папы, дедушке в начале 20-х годов предлагали работу в Московском Малом театре. Он не пожелал уезжать из Рыбинска от семьи и порекомендовал представителям театра посмотреть и

годов одна из его молодых поклонниц¹⁴ сумела покорить сердце своего кумира. Он переселился в коммунальную квартиру к новой жене, в четвертом доме на Чкалова. Добрые отношения с детьми удалось сохранить, но уже без былой теплоты. Тетя Ксения и папа иногда заходили в гости к своему отцу, а я плохо помню дедушку. Его арестовали 20 июля 1941 года. Первой узнала об аресте тетя Ксения. Она шла к своему отцу в гости и уже подходила к дому, когда из подъезда вышел его сосед. Не сбавляя шагу, поравнявшись с ней, он громко сказал: «Не ходи туда, твоего отца арестовали» – и, не поворачивая головы, прошел мимо. Тетя Ксения также, не сбавляя шага и не оборачиваясь, прошла мимо дома, в котором жил отец, свернула с Чкалова на Бородулина и уже там в одной из подворотен расплакалась. Жена «врага народа», да еще и «дочь врага народа» – попадись она в доме отца на глаза чекистов, ареста было бы не избежать. Дедушка на допросах ни разу не упомянул о том, что раньше был женат на другой женщине и у него есть дети от первого брака. Может, это и спасло тетю Ксению и всех нас от преследований со стороны НКВД.

Папе по наследству от дедушки достались красивый голос (*его неоднократно приглашали в хор Дворца культуры, но он отказывался: «Семья – некогда ходить»*) и любовь к театру. Он был активным участником молодежного движения «Синяя блуза¹⁵». Дома иногда напевал гимн синеблузников. Я до сих пор хорошо помню слова:

Мы синеблузники, мы профсоюзники —
Нам все известно обо всем,
И вдоль по миру свою сатиру,
Как факел огненный, несем.

Мы синеблузники, мы профсоюзники,
Мы не баяны-соловьи —
Мы только гайки в великой спайке
Одной трудящейся семьи.

В кругу близких знакомых и друзей папа иногда декламировал тогда еще запрещенные стихи Есенина из цикла «Москва кабацкая». Он знал весь цикл наизусть.

своего племянника Красавина Виктора Васильевича, который и был туда принят.

¹⁴ Фельдман Зинаида Карловна, 1905 года рождения, латышка, домохозяйка, и ее старшая сестра Александра, 1892 года рождения, работавшая машинисткой в прокуратуре г. Рыбинска, были арестованы за месяц до ареста моего деда. В ноябре 1941 года обе были военным трибуналом войск НКВД Ярославской области приговорены к расстрелу и расстреляны в один день 1 января 1942 года. Реабилитированы посмертно 2 сентября 1992 года.

¹⁵ Название движения «Синяя блуза» произошло от названия одноименного агитационного эстрадного театра, артисты которого скопировали свои одежды с агитплакатов, на которых рабочие и работницы традиционно изображались одетыми в синие блузы и черные брюки (или юбки). В дальнейшем синяя блуза как атрибут сценического костюма артистов приобрела такую популярность, что ее стали использовать многочисленные самостоятельные коллективы по всей стране. В СССР отголоском «Синей блузы» в 1960—1980-е годы стали появившиеся как жанр самостоятельного народного творчества агитбригады, а в последующее время и до наших дней – клубы веселых и находчивых (КВН).

Начало войны и эвакуация

Началась война. Папа сутками пропадал на заводе, мама – в очередях. Несколько раз домой из военкомата приходили повестки, но каждый раз, когда папа сообщал на работе, что уходит на фронт, начальник цеха звонил или бежал в военкомат и добивался их аннулирования: «Возьмите десять человек, но оставьте Красавина. Здесь он сделает для победы во сто крат больше, чем с винтовкой в окопах».

Над городом постоянно кружили немецкие самолеты. Бомбили в основном двадцать шестой завод. Но иногда бомбы попадали в жилые дома. Несколько бомб было сброшено на нефтебазу в Копаево¹⁶. Нефть загорелась. Черный шлейф дыма застилал небо несколько дней, запах гари проник даже внутрь дома. Иногда фашисты (*развлечения ради, или по сути своей звериной?*) на бреющем полете из пулеметов обстреливали нашу улицу и Сенной рынок. Со стороны завода периодически таякали зенитки. Ночами по небу шарили лучи прожекторов. За нашим домом были выкопаны рвы, в которых люди укрывались во время обстрелов. А мы, ребята, потом собирали во дворе гильзы от патронов, кто больше найдет – тот победитель. Такая была игра.

На площади перед городским сквером выставили обломки сбитого самолета. Мы с бабушкой Лизой ходили смотреть. Искореженный серый металл с черным крестом. Было жутко и любопытно.

Однажды мы с Вовой были дома одни, и в это время объявили воздушную тревогу. Я взяла узелок, который всегда в этом случае брала мама. Вове дала подушку, на себя надела мамино зимнее пальто, через плечи перекинула связанные между собой веревочкой валенки, и мы пошли к выходу. В дверь влетает мама: «Куда?» – мой ответ: «В укрытие».

Потом меня спрашивали: «Почему взяла именно эти вещи?» – я объясняла: «Валенки и пальто пригодятся зимой, когда будет холодно. Мамино пальто – оно всем подойдет, потому что большое. Узелок – мама всегда брала. Подушка – так спать ведь тоже на чем-то надо».

С каждой комнаты по два человека обязаны были ночами дежурить на улице, следя за порядком в пределах своего квартала: смотреть, чтобы нигде из окон не пробивался свет, чтобы люди не ходили в светлой одежде, проверять наличие у прохожих пропусков (*был комендантский час*). Мама дежурила с тетей Маней – что могли сделать две безоружные женщины? Но если не они – то кто?

Бабушка однажды поленилась бежать в укрытие и решила на время бомбежки укрыться в большом сундуке, а крышка на нем возьми и захлопнись на замок. Часов шесть она просидела там, скрючившись в темноте, пока кто-то не пришел и не освободил.

А с дядей Колей¹⁷ (*папин двоюродный брат*) такое было. Он в одиночку – откуда только силы взялись! – вытащил на спине громадный комод с бельем из комнаты во двор. После окон-

¹⁶ Копаево – микрорайон в восточной части Рыбинска на правом берегу Волги. В начале 20 века товарищество братьев Нобель построило здесь перевалочную нефтебазу. В 1930—1940-е годы были возведены мощные элеваторы и комбикормовый завод.

¹⁷ Дядя Коля – Красавин Николай Васильевич, 1910 года рождения, в ноябре 1941 года был призван в Красную армию. Был командиром отделения взвода противотанковых ружей. Награжден медалями «За боевые заслуги» («*За то, что, будучи в боях в районе гор. Орел в период с 17.7.43 г. по 5.8.43 г., способствовал отражению трех контратак и занятию траншеи противника, ведя огонь по пулеметным точкам. В этом бою 5.8.43 г. был трижды ранен*») и «За отвагу» («*За то, что он под огнем врага, без потерь переправил свое отделение через р. Западная Двина, быстро занял оборону и, участвуя в отражении контратак, его отделение уничтожило пулемет и рассеяло группу автоматчиков врага*»). Домой дядя Коля вернулся летом 1945 года. Больше года из-за ранения ротовой полости не мог произнести ни слова (пуля вошла в рот, прошла язык, горло и вышла с задней стороны шеи). Потом как-то разговорился, но до конца жизни сильно шепелявил и произносил слова очень медленно и тихо. Похоронен дядя Коля в Рыбинске, на кладбище у Софийской тюрьмы.

чания бомбежки они с женой, переругиваясь, целый час потом перетаскивали по частям комод и все его содержимое назад в дом. Вот какие курьезы случались.

В октябре 1941 года, когда немцы подходили к Москве, 26-й завод решено было эвакуировать в Уфу. Немцы о планах эвакуации не знали. Уверенные, что в скором времени город перейдет в их руки и завод можно будет использовать для нужд военной промышленности Германии, они прекратили бомбежки.

По ночам, в полной темноте работники завода прокладывали рельсы от цехов к берегу Волги и по ним на вагонетках грузили на баржи станки. К утру рельсы снова разбирались.

Днем над городом постоянно кружили немецкие самолеты, но никаких следов эвакуации завода не было видно. Дымили заводские трубы, шли на работу толпы горожан, одна смена сменяла другую – абсолютно всё, как и прежде. Несколько раз немцы разбрасывали с воздуха листовки, в которых призывали работников завода никуда не уезжать, гарантируя им «после освобождения города от большевиков» работу и достойный заработок. Когда их отбросили от Москвы и планы скорого захвата Рыбинска потерпели крах, они возобновили бомбардировки, но к тому времени все цеха уже были пустыми¹⁸. Эвакуации подлежали не только техника, материалы, инструмент, но также и люди – работники завода и члены их семей.

Третьего ноября 1941 года наша семья тоже должна была ночью, не зажигая фонариков, не чиркая спички, переговариваясь только шепотом, погрузиться на баржу номер 1340. С собой разрешалось взять лишь минимум необходимого имущества. Но мы задержались со сборами и опоздали. И хорошо, что опоздали, так как эта баржа потом застряла на Волге где-то посередине пути – вмерзла в лед. Говорят, что в ту зиму много барж до весны застряло в ледовом плену. Как там выживали люди, чем согревались – не знаю.

Потом хотели выбраться из Рыбинска пассажирским поездом, но тоже неудачно и тоже к счастью. Тот поезд под Ярославлем разбомбили. Тогда погибла сестра дяди Коли. Ее дети остались живы. Папа потом искал их в Уфе, но не нашел.

Мы эвакуировались в товарных вагонах. Внутри вагонов – двухъярусные, наспех сколоченные полки из плохо обструганных досок. Нам досталось место на втором ярусе. Посередине вагона поставили печку-буржуйку, на которой можно было вскипятить воду или сварить кисель, а у дверей – ведро, в которое все, не стесняясь, справляли малую нужду. Грузились ночью в полной темноте и тишине. Поезд стоял на территории завода, чуть дальше за зданием ОКБ. Первые вагоны были предназначены для семей, а дальше цеплялись платформы со станками и оборудованием завода. У станков на платформах круглосуточно дежурили мужчины.

Эшелон с эвакуируемым на Восток оборудованием завода

¹⁸ За 10 дней (!) с территории завода было вывезено все. Для эвакуации было задействовано 25 барж и 3 тыс. железнодорожных вагонов. Попробуйте представить себе состав таких размеров. И такую масштабную операцию удалось провести настолько скрытно, что немцы еще долго оставались в неведении. 10 декабря 1941 года они провели самый мощный авианалет на город, сравнив с землей пустые заводские ангары и хвастливо объявив на весь мир, что в Рыбинске уничтожено крупнейшее на территории СССР оборонное предприятие. Тут же последовало опровержение ТАСС, из которого следовало – зря горячее палили, господа, – завод давно эвакуирован.

От Рыбинска до Уфы поезд шел около месяца. Вначале двигались очень медленно, с длительными простоями, пропуская на станциях бесконечные военные эшелоны. Со всех вагонов высыпали люди – кто в туалет, кто за кипятком. Однажды поезд остановился на каком-то полустанке. С одной стороны вагонов лес, с другой – поле до самого горизонта. Вдоль насыпи лежали груды каких-то плит и штабеля со шпалами. Вот я и отпросилась у мамы по нужде. Побежала за штабеля, но в каждом укромном уголке уже кто-нибудь справлял нужду. У нас был четвертый вагон. Я ушла далеко от него, да еще штаны в то время были с завязками спереди и сзади. Неожиданно, не простояв и двадцати минут, поезд дал гудок отправления. Я с перепугу в завязках запуталась. Выбежала к рельсам около паровоза. Вижу, мама бежит вдоль состава, кричит:

– Эля, Эля...

И машинист тоже спустился на последнюю ступеньку, кричит, рукой машет, чтоб живее бежала.

Мама втянула меня в вагон уже отходившего поезда и больше одну из вагона не выпускала.

Что удивительно: после той малой станции наш эшелон больше нигде подолгу не простаивал. Причину столь странных и разительных изменений в скорости передвижения эшелона я узнала лишь недавно.

В начале ноября 1941 года наркомы, представляющие промышленность, пожаловались Сталину на совещании, что поезда с эвакуируемыми на Восток оборонными предприятиями и их работниками без конца простаивают на всех станциях. Сталин не стал возлагать ответственность за разрешение этой проблемы на наркома железных дорог Кагановича, а сходу определил главными фигурантами начальников станций любого уровня: простоит эшелон на данной станции на время большее, чем необходимо для смены паровоза – судьбу начальника будет определять трибунал. Вот, благодаря генералиссимусу, я тогда чуть и не отстала от поезда. Но зато, благодаря ему же, как минимум на неделю сократили время в пути.

Поезд остановился в чистом поле, на горизонте – горы. Кругом снег. Ни одного куста, ни одного дерева. Вдоль состава – подводы с санями. Членам семей велели забирать свой скарб и выходить из вагонов. Папа обнял нас всех, расцеловал, наказал, чтобы не печалились – скоро увидимся. Погрузили нас на подводы и повезли в деревню. Паровоз дал гудок, и эшелон отправился дальше, в Уфу.

Приехали на место, где нам предстояло жить. Во всей деревне ни одного дерева – лишь огороды и дома. Нас сначала подселили в небольшую деревенскую избу. Она была переполнена людьми. Хозяйка топила печь так, что руку обожжешь, но тепло моментально выветривалось – стены не утеплены. Хозяйка и трое ее детей спали в тепле на печке. Нам на троих отвели одну кровать. Утром мы просыпались и отдирали от скамейки примерзшие к ней, покрытые инеем волосы. Потом мне нашли местечко возле маленькой чугунной печки на скамейке, где сушили валенки; без подушки, без одеяла, без матраса. Из-за тесноты невозможно было повернуться. Один бок у меня мерз от холода, а другой обжигало идущим от печки жаром.

Мама похлопотала, и нас переселили в другой дом. Там уже жили одна эвакуированная женщина с ребенком и семья из Ленинграда (*мать, бабушка и двое детей*). Ленинградцы всей семьей занимали место на печке. Что дети, что взрослые были слишком высокого мнения о себе – поэтому мы с ними почти не общались. Мама подружилась с хозяйкой дома, помогала ей по хозяйству – избу убрать, дров наколоть. Они вместе ходили в лес за дровами. А мы с Вовой подружились с хозяйской дочкой Дуней. Возвращаясь с дровами из леса, мама приносила нам веточки с замерзшими ягодами шиповника, и мы сосали их как конфеты. Хозяйка пекла пшеничные блины и давала нам с Вовой по блину, а мы, всегда голодные, ждали это уго-

щение как самое желанное лакомство. Ходили в лес за шиповником и мы с Дуней, проваливаясь по грудь в сугробы. Перед лесом протекал ручей, и на его берегу стоял чум, в котором жили башкиры. Над чумом всегда вился дым, а вокруг бегали собаки. Было жутко интересно подойти, посмотреть, как там они живут, познакомиться с хозяевами, но мы боялись собак.

Дуня была на полгода старше меня и поэтому уже ходила в школу. На Новый 1942 год она пригласила меня на школьную елку: «Придут Дед Мороз со Снегурочкой, клоуны и будут раздавать подарки». Там я получила от чересчур вошедшего в свою роль Петрушки¹⁹ увесистую оплеуху и чуть не разревелась от такого «подарка».

Куда-то уехала одна из родственниц хозяйки, и Дуне поручили растопить в ее доме печь. Пошли вместе в чужой дом – она и я. Вся комната, где стояла печь, была завешана соломой, ею и надо было топить. Берешь пук соломы, суешь в огонь, а он – пшик, и весь уже сгорел. Только успевали совать, а вот как дом не сожгли, одному Богу известно.

У хозяйки была баня. Натопили, пошли мыться – я, Вова и мама, и страшно угорели. Мама нас с Вовой еле одела, голая выскочила на мороз, показала, куда идти к дому, глотнула несколько раз свежего воздуха и побежала назад в баню одеваться сама.

¹⁹ Петрушка – популярный персонаж русского народного театра: в красной рубахе, холщовых штанах, а на голове – ост-роконечный колпак с кисточкой. Петрушечники были тогда обязательным атрибутом новогодних елок. Веселя публику, они размахивали картонными дубинками, разгоняли шуточных врагов, задирались сами, отвешивая налево и направо шуточные оплеухи.

Уфа

В деревне мы жили недолго. В феврале нам сказали, что можем ехать в Уфу к папе. Приехали в темноте на станцию Черниковская²⁰. Мама за пачку махорки договорилась с шофером одного из начальников, чтобы тот на легковой машине отвез нас по данному нам адресу. Узлы (*чемоданов тогда у нас не было*) запихали на заднее сиденье, сверху положили меня. Поехали, дорога неровная, с рытвинами да ухабами, и я беспрестанно стучалась головой о верх машины. Было очень больно, терпела. Ночь, ни огонька. Как только шофер ориентировался в лабиринтах улиц – по запахам, что ли? Приехали, выгрузились. Мама посадила нас с Вовой на узлы, а сама ушла в темноту. Где-то рядом грубый пьяный голос орет:

Всюду деньги, всюду деньги,
Всюду деньги, господа...
А без денег жизнь плохая —
Не годится никуда.

Страшно. Дрожим, жмемся с братишкой друг к другу. Запомнила эту песню на всю жизнь.

Наконец из ночи раздался мамин голос:
– Эля!

Рядом с мамой – папа. Увидел нас, подхватил на руки, закружил, потом поставил на землю, в обе руки набрал сразу по нескольку узлов, и мы пошли за ним к своему новому пристанищу.

Уфа. Сталинский район. Бараки на улице Лаврентия Берии (ныне улица Мира). 1941 г.

Дом был барачного типа, деревянный, двухэтажный. Наша комната на втором этаже. В квартире две женщины-хозяйки, трое эвакуированных мужчин и мы четверо. У входа, как бы в прихожей, наша кровать. В комнату хозяев ходить не разрешалось. Туалет на улице: загаженная внутри и снаружи по всему периметру избушка, огней нет.

Мама часто оставляла нас с Вовой одних: ходила искать работу, так как ее пищевой паек как иждивенца был очень маленький. А где найдешь работу в городе, набитом эвакуированными?²¹ Нас выручало то, что я умела читать. Игрушек никаких. Мама купила две книжки:

²⁰ Станция Черниковская находилась в Сталинском районе Уфы. В декабре 1944 года весь район был выделен из состава Уфы как отдельный город Черниковск. В июле 1956 года город Черниковск вновь был включен в состав Уфы.

²¹ В Уфе до войны насчитывалось 250 тыс. жителей. Общее число прибывших в город рыбинцев – свыше 50 тыс. человек, до нас и после нас ежедневно прибывали эшелоны с людьми и оборудованием с предприятий Ленинграда, Запорожья, Одессы, Гомеля и многих других городов. Сказать, что город был перенаселен, – значит ничего не сказать. Город задыхался от избытка людей, и всех надо было разместить, накормить, обустроить, одеть... Большинство работников 26-го завода жили в землянках, палатках и ветхих, продуваемых ветрами бараках. У них отобрали паспорта, заменив их удостоверениями, в которых указывалось, что владелец сего является мобилизованным для работы на заводе, самовольный уход с которого будет считаться

«Седовцы» (о дрейфе во льдах Арктики в 1937—1938-х гг. попавших в ледяной плен советских кораблей) и «Остров в степи» (сборник рассказов о заповеднике Аскания-нова). Вот и сидели мы с Вовой на постели, а я вслух читала.

Потом нас перевезли вместе со всем нашим нехитрым скарбом в подвал какого-то дома с окнами на уровне земли, а сверху над нами находилась сапожная мастерская. Не знаю, почему нельзя было оставить нас в прежней квартире. Вроде как ее хозяйки куда-то жаловались, что к ним чересчур много эвакуированных подселили. В подвале было две комнатки. В одной жили мы вчетвером и женщина с младенцем, в другой на полу спали пятеро мужчин. Папа сколотил нам из досок забора столик, одна сторона которого опиралась на подоконник. На столике можно было готовить и принимать пищу. Ели стоя. Спали на полу, на матрасе. В подвале было теплее, чем в бараке, но полным полно крыс. Папа забивал дыры в полу и стенах железными листами, а они прогрызали в других местах. У мамы был маленький железный сундук, туда убирали от крыс все, что оставалось съестного. В туалет ходили в таз, который ставили между дверями, а ночью крысы садились вокруг таза по краю. Мужчины из соседней комнаты рассказывали, что они, когда спят, затыкают пятками дыры между стенами и полом, чтобы крысы не вылезали. Однажды наша соседка вернулась с работы и увидела, что крыса сидит на голове ее младенца, она закричала, прибежали мужики из соседней комнаты, стали гоняться за крысой, бить ее ремнями, она кидалась на стенки. Мне с Вовой приказали залезть под одеяло и не высовываться. Под одеялом было душно. В конце концов крысу убили и бросили в таз. Утром ее в тазу уже не было – или очухалась и удрала, или ее съели.

Папа работал на заводе старшим мастером. Станки стояли под наспех сколоченными навесами в открытом поле. Работать приходилось на морозе. Пальцы примерзали к металлу. Работников завода кормили в заводской столовой. Было несколько случаев массовых отравлений. Говорят, что в пищу подсыпали яд. Не будет работников – завод встанет. Папу всякий раз спасало то, что ему как мастеру приходилось часто задерживаться в цехе без обеда. Бывало и так, что он по несколько суток кряду не выходил с завода. В подчинении у него были местные уфимские подростки лет по 13—15, которые разговаривали на своем языке, а по-русски не понимали. И папа умудрялся обучать их изготовлению сложнейших деталей для авиамоторов. Все работники завода были приравнены к мобилизованным. Невыполнение дневной нормы расценивалось как преступление. За дезертирство с завода – расстрел. Недавно я нашла в книге А. К. Павлова «Уфимские страницы» такую информацию, что в течение года за нарушения трудовой дисциплины, опоздания и прогулы к судебной ответственности было привлечено более 1000 работников завода. В той же книге приведены тексты некоторых приказов, в одном из которых до сведения работников доводится расстрельный приговор, вынесенный Военным трибуналом дезертиру «трудового фронта». Начальникам цехов были выданы наганы. Однажды у папы на участке не вышли на работу пять подростков. Папе пришлось помимо своей работы работать за них на пяти станках. В тот день его участок, естественно, с дневной нормой не справился. У начальника цеха сдали нервы и он, размахивая для убедительности наганом, стал кричать, что расстреляет папу. У папы на эмоции уже сил не было, он встал к стенке и ответил: «Стреляй, я один работал на пяти станках». Поскольку большего в тот день при дефиците работников просто физически невозможно было сделать, начальник остыл и пошел сам оправдываться перед руководством завода о невыполнении цехом дневного задания. Обошлось без трибунала и судебных разбирательств. Пареньков тех потом поймали – они пытались сбежать с «трудового фронта» на «фронт боевой», где по слухам и кормят лучше, и работать по четырнадцать часов в день не заставляют. Какова была их дальнейшая судьба – папа не рассказывал.

Одна из улиц в Уфе (ныне носит имя бывшего главного металлурга Рыбинского 26-го завода, ставшего затем директором Уфимского моторостроительного завода, М. А. Ферина). 1942 г.

В Уфе началась эпидемия тифа. Один из мужчин в смежной с нами комнате заболел. Мама ухаживала за ним, стирала белье, варила еду, кормила больного. Бог пронес: из нас никто не подхватил заразу, и она тоже осталась на ногах.

Весной 1942 года, когда немцев прогнали из-под Москвы и угроза оккупации Рыбинска отступила, было принято решение вернуть в город эвакуированный ранее вместе с заводом Авиатехникум. Папа до войны учился в этом техникуме на вечернем отделении, преподаватели его хорошо знали. Он договорился, чтобы они взяли нас с собой, надеялся, что в родительском доме нам будет легче. В Уфе мы все равно его почти не видели – он пропадал на заводе неделями, а когда приходил, почти не общался с нами, давал маме продукты, деньги, а сам падал на матрас и сразу засыпал.

На железнодорожном вокзале нас обокрали: взяли все, даже грязное белье. Папы с нами не было – на проводы семей завод своим работникам время не выделял.

Приехали в Рыбинск и с вокзала пошли к бабушке Лизе в дом на Герцена, но нам не позволили в него вернуться – в доме были расквартированы красноармейцы.

В Новинках

Тогда мама решила везти нас в деревню Новинки к своей матери, бабушке Мане. Сначала надо было ехать из Рыбинска до станции Шестихино. На вокзале на путях стояло несколько эшелонов. Мама узнала у одного из офицеров, что их эшелон в Шестихино остановится. Офицер запросил с нас стандартную плату – пачку махорки, и разместил в середине общего вагона. Вагон был набит солдатами. Доехали до Шестихино. Надо выходить. Ночь. Ничего вокруг не видно. Я пробираюсь к выходу, а на вагонном полу солдаты спят: то на чью-то ногу наступлю, то на руку или туловище. В ответ – мат-перемат. Офицер помог нам выбраться. Сошли на перрон, занесли узлы со своим имуществом в помещение и сложили на полу возле касс. Мама посадила нас с Володькой поверх узлов и наказала ждать ее возвращения, никуда не уходить, не спать – сторожить узлы. Сама пошла пешком в Новинки (около семи километров от станции). Мы с Володей крепились-крепились, толкали друг друга локтями и все же, утомленные дорогой, задремали. Проснулись от голосов – люди пришли брать билеты, а мы мешаем. Тут и мама вернулась за нами вместе с братом Адольфом. Когда начали грузить узлы на телегу, обнаружилось, что все ценное, что было в узлах сложено, кто-то украл.

Домик у бабушки, тогда еще единственный в Новинках, был окружен кустами сирени, а под окнами росло множество разных цветов, семена которых она привезла с собой из Мологи. Очень красиво²², но сам дом был уж очень маленький, старенький и немного скособоченный. На улицу выходило два окна из комнаты и одно из кухни. Из мебели – стол, кровать и лавки вдоль стен. Сарая или хлева не было.

Когда в Мологе перед затоплением комиссия осматривала дома мологжан, то их с дедушкой Василием Андреевичем большой мологский дом признали непригодным к сплаву по реке. Дали мизерную компенсацию. Дедушка собирался с сыновьями строить новый дом на Слипе, где выделяли переселенцам из Мологи участки земли, но у него случился инфаркт и он умер. Старших сыновей Анатолия²³ и Юрия²⁴ забрали в Красную армию. Бабушке с двумя младшими

²² Какими бы трудными ни были времена, бабушка Маня всегда стремилась украсить быт цветами. Часть семян она привезла с собой из Мологи, но каждый год рядом с ее домом появлялись и новые сорта георгинов, пионов, ромашек. Когда в конце сороковых она переехала в Подольское (*деревня на другой стороне Сутки, напротив Новинок*), то и там под окнами ее нового большого дома скоро появился цветущий палисадник. Она бесплатно раздавала семена всем желающим, помогала советами, и вскоре такие палисадники расцвели в Подольском возле многих домов, а вскоре и в окрестных деревнях. Она привезла цветы и в Рыбинск, сажала несколько раз под нашими окнами на Молодежной улице, но их всякий раз обрывали, не дав распуститься до конца, или затапывали. Помню, как она за домом сеяла семена махрового мака по картошке. Мак быстро поднимался, закрывая собой кусты картошки разноцветными полосами: полоса белая, розовая, красная. Люди по дороге проезжали мимо и удивлялись – что там такое посажено? Мак садила для красоты, а собирала лишь на семена.

²³ Анатолий, 1918 года рождения, отличался богатырским сложением: руками гнул на спор подковы, пятаки сплющивал, сжимая между двумя пальцами. Весной 1941-го должен был вернуться из армии домой, но задержался – а там война. Долгое время от него не было никаких писем. Деревенские говорили бабушке Мане, что, вероятно, он погиб – вот и не пишет. Осенью 1942 года сын пришел к ней во сне и сказал, что жив, но был ранен – потому и писать не мог. Бабушка рассказала о своем вещем сне и как-то сразу успокоилась. А через месяц Анатолий и сам приехал на короткую побывку после госпиталя. Погиб он чуть позже, в феврале 1943 года, в боях около хутора Ясиновский Ростовской области, в звании гвардии старшего сержанта. Похоронен в братской могиле номер 13 (КПЯО, том 5, стр. 424).

²⁴ Юрий, 1924 года рождения, был в войну командиром взвода. От него тоже потом долго не приходило писем. Бабушка однажды просыпается и говорит: «Жив Юрка». Ей снова приснился вещий сон: в доме под иконами стоит гроб, а в нем Юрий. Она сидит у гроба, плачет, он поднимает голову и говорит: «Не плачь, мама, жив я». Оказалось, тоже был ранен и лежал в госпитале. В конце войны солдаты его взвода разграбили в Германии ларек с вином – а Юрия за мародерство подчиненных осудили на 5 лет. Политрук тогда сказал: «Хорошо, политику не приписали». Отбывал срок в Сибири трактористом. Вернулся в конце сороковых, женился, приняли в колхоз трактористом. Работал на пару со своим младшим братом Ординером. Однажды выпили они. Ординер пошел к себе домой, в Подольское, а Юрий к себе – в Новинки, на другой берег Сутки. Перешел речку через брод, поднялся по обрыву на другой берег. Кепку нашли на самом верху, а как его тело оказалось внизу в небольшом омуте – неизвестно. Установили, что смерть наступила до того, как он попал в воду. Разбираться никто не стал – так и не знаем, что случилось. Бабушке Мане в ночь, перед тем как нашли тело ее сына, снова приснился сон. Он обещал прийти к ней утром и полить капусту. Она смотрит в окно, а по прогону (*дорога недалеко от дома, по которой обычно гнали*

сыновьями строительство дома было не осилить. Она стала искать, где купить готовое жилье, но на те деньги, что у нее были, ничего лучшего, чем этот маленький домишко в далекой деревушке, нельзя было приобрести. Вот они теперь и ютились в нем, а тут мы приехали – нас без помощи тоже оставить нельзя.

Я спросила, а где же коза Розка. Эта козочка была очень своенравной особой, поэтому и запомнилась мне. Она любила запах табака: где мужчины закурят, Розка тут как тут, и ходит за курильщиками или стоит возле них, оттопырив губы. А вот запах духов ненавидела всеми фибрами души. Я и соскучилась по ней, и побаивалась немного, – когда мы последний раз гостили у бабушки Мани, Розка чуть маму не забодала. Мама к папиному приезду надушилась, ну козочка и гонялась за ней по всему двору, пригнув рожки к земле и норовя подцепить.

Бабушка Маня сказала, что перед войной у нее и коза и корова погибли от ящура.

Жили мы у бабушки Мани очень голодно, так как прибыли в деревню не как эвакуированные и поэтому пищевого пайка нам не полагалось. Бабушка работала в колхозе бригадиром. За каждый день работы ей ставили палочки в ведомости (*трудодень*). По дому и в колхозе ей во всем помогали младшие сыновья Адька (*Адольф*) и Ора (*Ординер*). Мяса не было. В наши с Вовой обязанности входило нарвать крапивы для щей, принести из леса грибов, поесть там ягод. Из трав и кореньев мама готовила супы, каши и заставляла нас все это глотать, чтобы мы совсем не отошались. Когда совсем стало немого, за ведро картошки продала свое последнее платье, а чтоб было в чем на улицу выйти, скроила себе на скорую руку юбку из мешка, недостаток ширины которой восполнила вшитыми по бокам цветными лоскутами. У меня тоже проблемы с одеждой возникли: старые юбка и платье поизносились, да и малы стали, а подступал сентябрь – в чем в школу идти? У бабушки в сундуке еще с мологских времен лежал отрез ситца. Мама достала его, раскроила, дополнила недостающую высоту и ширину со спины и в поясе разноцветными кусочками из разных тканей по 2—3 сантиметра – получилась красивая юбка, правда, коротковатая и холодная.

Поспевали хлеба, и мы с Вовой и Адькой стали тайком рвать в полях колоски ржи, чистить и есть зерно. Вову кто-то заметил, и объявили его, пятилетнего, врагом народа. Маме потом пришлось долго хлопотать за сына и даже дать взятку милиционеру.

Соли не было. От несоленого супа-бурды тошнило. Мама наливала его в плошку, подносила ко рту и твердила мне: «Пей! Пей!» Приходилось пить. Летом ходили во Фроловское (2 километра вниз по течению Сутки) на молокозавод за пахтой. Пахта из трубы с наружным краном стекала прямо в речку. Вот мы и таскали оттуда домой по два ведра пахты – хоть какая-то пища.

За всеми нами в Новинках был приставлен наблюдать работник НКВД, парень, который после ранения вернулся домой и в армию его уже не брали. Время от времени он навещал наш дом, а нам, ребятам, строго-настрого было сказано: рта при нем не раскрывать! За что нашей семье такая честь была оказана – не знаю. То ли власти боялись, что про затопление Мологи что-нибудь нелестное в адрес партии и правительства в нашем доме будут говорить, то ли что секреты какие можем выболтать про эвакуированный в Уфу военный завод. Сейчас о причинах столь пристального внимания к нам со стороны НКВД можно лишь гадать. Но, слава богу, все обошлось.

В сентябре 1942 года я пошла учиться в школу. Начальная школа размещалась в бывшем доме попа во Фроловском. От Новинок это два километра пути.

В ноябре выпал снег, а у меня тогда еще валенок не было. Ходила по снегу в ботиночках. Приду в класс первой, разуюсь, ноги к печке, греюсь и плачу. Когда всех в деревне заставляли

стадо) идет Юрий и плачет. Она зовет его, а он, не оборачиваясь, так и ушел.

покупать облигации государственного займа, мама наотрез отказалась от покупки облигаций – дети раздеты и разуты! Это было ЧП. Дали нам: мне – теплую юбку, а Вове – гимнастерку.

Весной в лесу мальчишки разорили беличье гнездо и забрали из него бельчат. У всех бельчата погибли, кроме нас. Мы с Вовой поили своего молочком из игрушечной тарелки по капельке, иначе он захлебывался, прятали от кошки. Бабушка нашла где-то клетку для птиц. Подвесили ее под потолок и посадили бельчонка. Назвали Хоркой, так как он кричал: «Хор-хор». Любили его все. Зимой стали выпускать из клетки. Бегаёт по избе, а поймать невозможно. Ты за плечо, он на подоле, ты за подол, он на голове. Я любила с ним играть. Летом белка убежала через окно на березу. Ловили, звали – не идет. Смирились, а она сама назад в дом через окно пришла. Стали уходить в лес, а ее оставлять на улице. Возвращаемся, Хорка сидит на заборе. Прыг на плечо. Дашь ей ягодку или грибок и входишь в дом с белкой на плече. Следующей зимой, считаю, что мы сделали глупость – накормили ее брюквой. Живот Хорки сделался каменным, мы положили ее на печку, гладили с Вовой, но она умерла. Поплакали и похоронили в углу бабушкиного огорода. Другого такого любимца у нас не было.

Уже после войны, когда я перешла в среднюю школу, расположенную в бывшей помещичьей усадьбе Артемьево, нам задали писать домашнее сочинение на тему «Мое любимое домашнее животное». Я написала про Хорку. Учительница мне поставила двойку и приписала, что надо было сочинять, а не списывать. Обидно было до слез.

Какой только травы мы в войну не ели! Идешь из школы весной, наберешь в горсть, сколько уберется в нее хвоща, и ешь. Тогда и в голову не приходило, что трава может быть ядовитой. Ели дуранду (корм для скота в виде плиток). Что там было намешано – неизвестно, но на вкус, как опилки. Везде висели плакаты, что картошку, перезимовавшую зиму на поле, есть нельзя – ядовита. Мы ели. Мама пекла оладьи, черные как угли. Бабушка и мама запрещали есть только бутоны мака, а в других домах из них даже хлеб пекли. Уже на пенсии я решила попробовать, что за траву мы ели – ну и гадость! На переменах в школе ели желуди, плоды липы. Потом в школе стали всех кормить супом, даже мясным. Однажды у меня в тарелке плавали овечьи экскременты – выкинула и съела остатки дочиста

Здание усадьбы Артемьево, в котором с 1928 по 1991 год располагалась школа.

Учительница была очень старенькая. Стоит перед классом, а по волосам у нее вши бегают.

Если был сильный мороз или метель мела, за нами в школу приезжал кто-нибудь из взрослых на санях. А один раз мы ждали-ждали – никто не приехал. Пришлось добираться до своих деревень самостоятельно. Ребята все ушли вперед, а я что-то отстала от них. Еле иду. Кто-то проезжал мимо, я руку подняла, мерзлыми губами прошу, чтоб подвезли меня, но возникший отвернулся и причмокнул губами, чтобы лошадь быстрее ногами шевелила. Мысль одна: не упасть в сугроб – не встану. До дома еле дошла, сразу на печку.

В Шестихино разбомбили склад боеприпасов. Мальчишки отправились туда, принесли гранату. Ора взялся ее разбирать. Залез для безопасности под лавку на улице, а гранату на лавку положил. Высунет голову, посмотрит, где что можно отвинтить, спрячет голову под лавку, а руками крутит. Вот ему тогда пальцы и оторвало. Потом, когда мальчишек 26 года рождения стали брать в армию, его без пальцев не взяли.

Бабушке дали во временное пользование корову Цыганку из стада, эвакуированного из Калининской области. Она у нас отелилась, а через неделю после отела стадо погнало назад. Как бабушка ни просила, чтобы ей оставили корову – «погибнет ведь в пути недоенная», ее забрали, а теленка нам оставили, поскольку по ведомостям он в стаде не числился. За неимением сарая, держали теленка в подполье. Молока ни для нас, ни для него не было. Бабушка днями сидела на первой ступеньке подполья и по травинке кормила теленка сеном. Выходила. Назвали Греткой. Два года Гретка не могла отелиться. Наконец отелилась, и у нас появилось молоко. Теленка от Гретки называли Жданкой (потому как долго ждали). Нам сразу колхоз установил налог на молоко. Часть молока обязаны были сдать, а если оно недостаточно жирное, то досдать еще какое-то количество, определяемое приемщиком. У Гретки молоко было жирное, но приемщик всегда утверждал, что оно жидкое и заставлял нести добавочные литры. Нам самим ничего почти не оставалось. Мама взяла да и разбавила однажды молоко водой. Сдали, а жирность при приемке определили даже большей, чем у ранее сдаваемого цельного молока. Тогда мама стала постоянно разбавлять молоко водой.

Налог, кроме молока, надо было еще платить и деньгами. А где их взять? Стали продавать молоко в Рыбинске. Чтобы быть утром на Сенном рынке и за день продать молоко, приходилось вечером с полным бидоном идти в Шестихино на поезд, а под следующее утро возвращаться. И так, не спавши две ночи. Зимой собирались по несколько человек. Иногда с мамой ездил Ора. Возвращаться домой с вечернего поезда было опасно. Особенно славился ограблениями участок дороги в районе Свинкиного ручья. Однажды двое мужиков вышли из темноты на маму с Орой. Спасло то, что Ора нес с собой довоенные лыжи и концы лыж торчали у него за спиной, как ружье. Грабители побоялись подступиться и отошли в сторону. Другой раз мама шла одна. Ночь. Кругом лес, а сзади скрипят чьи-то шаги. Мама остановится, и преследователь стоит. Жутко. Очередной раз мама нарочито резко остановилась и обернулась. Оказалось, бидон за спиной скрипел.

Голодное детство

Летом через брод любили ходить на другой берег Сутки за черемухой. Ели до тех пор, пока язык во рту шевелится. А еще ходили в Пугино, в бывший барский лес, за малиной. Ели ягоду до тех пор, пока в туалет одной малиной не сходишь – значит, наелась.

Много помогали взрослым: раскидывали сено на просушку, ворошили, сгребали, перетаскивали в сарай, собирали колоски, стлали и теребили лен, подавали снопы на молотилку, когда она приезжала в деревню.

Однажды утром все мы, деревенские ребята, ушли в лес. Возвращаемся, а ночью у одной женщины возле ее дома разорили ульи. Пчелы металась по всей деревне и налетели на нас. Все побежали по домам, а я в другую сторону: решила добежать до реки и спрятаться от пчел в воде. Это метров 400. Сил хватило на полпути, упала на землю лицом вниз. Хорошо, прибежал Ора и накинул на меня пиджак, а сам скорее домой. Лежу под пиджаком, в волосах на голове пчелы так и шевелятся, высовываю голову, чтобы вылетели, а мне из соседнего дома кричат: «Не высовывайся!» Сколько времени пролежала, не знаю. Потом все по деревне ходили разукрашенные, но всех больше досталось мне. Могли ведь и до смерти зажалить.

В деревне у меня была подруга Галя, моя ровесница. У них в доме была корова, а у нас тогда еще не было. Однажды я, голодная, увидела у них в сенах, на шкафу за дверью кринки с молоком, штук десять. Не выдержала и стала пальцем слизывать молоко с края одной из кринок. Вошла Галина бабушка, увидела и пожаловалась на меня моей маме. Мама выстегала меня крапивой. Я плачу, мама сидит недалеко и тоже плачет.

Ординер хорошо сочинял сказки. Зимой я, Вова и Адька забирались на русскую печку. Ора закутывал нас с головой каким-нибудь барахлом и начинал рассказывать. Вот фрагмент из одной его сказки: «Двое в пещере чего-то ищут. Дорогу метят веревкой. Кто-то веревку перерезает. Один теряет другого, кричит: „Давид!“ . Тому слышится: „Дави!“». Нам становится страшно. Ора говорит: «С потолка пещеры капает» – и брызжет в темноте на нас слюной. Мы уже находимся не на печи в доме у бабы Мани, а в неведомой далекой пещере. Жмемся друг к другу, трясаясь от страха. А вечером другая сказка, еще более ужасная.

Любили все вместе ходить смотреть кино во Фроловское. Там по вечерам в сельсовете, в самой большой комнате, расставлялись для публики стулья и киномеханик крутил какой-нибудь довоенный фильм. Чтобы занять места на стульях, надо было прийти пораньше, а иначе приходилось весь фильм смотреть стоя, прислонившись спиной к стенке.

Два года летом в деревне у меня и Вовы ноги покрывались какими-то язвами. Чем мама их лечила, не знаю, но ходили мы с забинтованными ногами. Зимой все проходило. Летней обуви не было никакой. По жнивью, по скошенным лугам ходили босиком. Цыпки на ногах и руках были обычным делом. Мама заставляла писать на них. Драло жутко, но проходило.

На бабушкином доме крыша была сломана. Там гнездились не то галки, не то вороны. Адька доставал их яйца, и мы ели. Величина яиц – чуть меньше перепелиных, белок сероватый, ну а на вкус – с голодухи и не то ели.

Несмотря на тяжелую жизнь в войну, мама всегда ставила нам елку на Новый год. Игрушки мы – я, Вова и Адька, мастерили сами. Бумагу склеивали картошкой, сваренной в мундире. Потом вместе с мамой и бабушкой развешивали на колючих душистых ветках бумажных птиц, зверят, человечков. Кроме как в нашем, ни в одном другом доме в деревне елок не ставили.

До войны мне были куплены лыжи с креплениями на валенки. У Вовы такого богатства не было – вот и катались мы на них по очереди. А еще у нас была на двоих одна пара коньков-снегурок. Крепить их надо было тоже поверх валенок, закручивая веревки вокруг ноги

и закрепляя палочкой. Так как кататься хотелось и мне и Вове, то одевали каждый по одному коньку и разгонялись, отталкиваясь одной ногой. Катались по льду на Сутке, едва дождав-шись, когда воду стянет льдом. Иной раз катишься, а перед тобой лед горбом встает. Как никто не провалился под лед – ангелы спасали.

Деревенские мальчишки, у кого были лыжи, катались с горы Лобан (*высокая гора на берегу Сутки, похожая формой на лоб*). Скатывались с горы и, пересекая реку, влетали на противоположный, более низкий берег. А иногда приволакивали от конюшни огромные сани и катались с горы на них. Мне с этой горы кататься не разрешали ни на лыжах, ни на санях.

Зимой любили играть в прятки в сенном амбаре. Нору сделаешь в сене и зароешься в нее с головой. По тебе топчутся, ищут, а ты сидишь. Иногда и не находили, сама вылезала.

Осенью, когда на полях созревали рожь и пшеница, мальчишки постоянно объезжали их по всему периметру на конях, так как по району участились случаи поджогов хлебов.

Иногда немцы пролетали на бреющем полете. Летит фриц и улыбается, а в поле дети да женщины с граблями. Однажды над нашей деревней был воздушный бой. Наш самолет победил, а немец, дымя, полетел в сторону Некоуза.

В деревнях каждую Масленицу встречали кострами. Каждая деревня собирала костер на самом высоком открытом месте. Мальчишки носили дрова, а мы, малышня, караулили, чтобы костер не подоagli раньше времени ребята из других деревень. Это у них считалось геройством. Вечером в темноте костер поджигали. Он был огромный, высокий. Были видны костры в других деревнях. Красиво. У костра устраивали игры.

В одно лето бабушка на огороде вместо картошки посеяла рожь. Рожь начала колоситься, и налетели воробьи. Ора смастерил деревянную трещотку, я и Адька по очереди каждый день ходили по периметру огорода и трещали день напролет. Воробьи сначала боялись, а потом осмелели – на метр от нас отскочат и снова зерна клюют. Ну и надоело нам это дело.

Летом 1944 года мы с ребятами пошли играть в какой-то заброшенный полуразвалив-шийся деревянный дом. Ребята забрались на чердак и стали звать меня. А мне что-то внутри подсказывало, чтобы я не лезла к ним. В конце концов меня уговорили, я забралась наверх и стала по балке переходить к ребятам. Посередине балки ощущение опасности еще более обострилось, я повернула назад, и в это время балка подо мной рухнула. Я полетела вниз в какой-то чулан без окон, а сверху светится только пролет двери. Тут же на меня посыпались остатки перекрытия. В темноте нащупала штырь в двери и одним махом его вырвала. Откуда только силы взялись вырвать этот здоровый ржавый штырь. Свобода, вытаращенные глаза ребят, а потом стал болеть позвоночник. Врачей нет, гипса нет. Лечил меня местный фельд-шер из Фроловского. Он посоветовал перевязать спину и ставить на сдвинувшиеся с места позвонки горячие компрессы. Позднее выяснилось, что это самое худшее, что можно было делать. Я не могла ни вставать, ни садиться.

После войны

В 1946 году мама повезла меня в районную поликлинику в город Мышкин. Очередь к доктору тянулась со второго этажа на улицу. Мама положила меня на крыльцо, а сама зашла внутрь здания. Через несколько минут вышел доктор и сказал, чтобы люди не толпились в дверях и пропустили нас с мамой к нему вне очереди. Из поликлиники меня увезли в больницу. Больница была переполнена, врачей и персонала не хватало, я пролежала в ней больше месяца. Белье не меняли, лежачих больных не мыли, обовшивела. Меня навещали мама и Володя, проходили пешком 12 километров от Новинки до Мышкина, приносили что-нибудь поесть, а потом обратно возвращались. Володя приносил землянику в стаканчиках. Сделали гипсовую кровать (гипс от макушки до колен по бокам и по всей спине), вставать нельзя. Мама уговорила доктора отпустить меня в таком виде домой – и уход дома будет лучше, и в больнице место освободится. Дома тоже приходилось все время лежать, шевелить можно было лишь руками и головой. Мама приносила мне книги из библиотеки в Артемьево. Очень много всего интересного перечитала за те девять месяцев. Мама сказала, что я встану перед Пасхой, на Вербное воскресенье. Так оно и вышло.

Мыло в те года было большим дефицитом. Мама делала крепкий отвар золы, в нем и мылись и стирали. Бани тогда в деревнях еще не строились. Все деревенские сызмальства привыкли мыться в русских печах, а мы наливали горячую воду в корыто, ставили его посреди комнаты и мылись, периодически подливая кипяточку. Мама как-то решила попробовать по примеру деревенских тоже помыться в печке. Настлали соломы на под, поставили внутрь печи кадку с водой. Мама разделась и залезла внутрь. Бабушка, чтобы жар не выходил, устье печи заслонкой прикрыла. Буквально через минуту мама взмолилась: «Откройте заслонку, душно!» Через некоторое время стала, помывшись, вылезать. Бабушка напротив устья стоит, командует: «Направо, налево!» Мама вылезла ногами вперед, вся в саже перемазанная. Потом, распаренную, ее без мыла тут же рядом с печкой и оттирали. Больше никто из нас в печку лезть не захотел.

Мама, будучи горожанкой, научилась за годы войны всем премудростям крестьянской жизни: косить траву, жать серпом рожь, чесать лен, запрягать коней и скакать на них, как заправский жокей. Поскольку последнее у нее выходило лучше, чем у других женщин (*мужчин тогда в деревне мало было – всех старше 18 лет забирали на войну*), то маме доверили уход за грозным районным конем-производителем по кличке Затея. На этом коне и бывалые колхозники боялись работать. Но маму и бабушку Затея слушался. Еще у него была такая особенность – терпеть не мог, когда впереди ехала какая-нибудь лошадь, обгонять себя никому не позволял. Вот и ездила на нем мама всегда впереди всего обоза. Однажды мальчишка-подросток, эвакуированный финн, запрягая, ударил Затею. Конь ухватил его зубами, поднял в воздух и стал трясти. Хорошо, мама была рядом, подбежала, прикрикнула на Затею, и тот опустил мальчугана на землю.

К маме, сразу после того, как закончилась война, стали подступать с уговорами, чтобы она вступила в колхоз. Мама отказывалась, говорила, что скоро за ней приедет муж и заберет в город. Медаль за труд целый год под сукном хранили – «не колхозница».

В конце 1946 года папа из Уфы приехал к нам в Новинки в отпуск. Подбрасывал под потолок меня и Вову, а мы визжали от радости. Мне папа привез акварельные краски, тетради. Тогда это было сказочным сокровищем – ведь до этого писали на старых книгах между строк, а красок я не видела с довоенного времени. Бумага в тетрадях была тонкая – на одной стороне пишешь чернилами, на другой все написанное проступает, но это была чистая белая бумага. За время своего короткого отпуска папа успел подлатать крышу на доме, построить из старых

бревен хлев для скота. Когда пришло время возвращаться в Уфу, пообещал, что долго там не задержится.

В сентябре 1947 года мама, будучи беременной, решила ехать в Рыбинск²⁵. По дороге на станцию зашла в медпункт во Фроловском. Там ей сказали: «Поезжай спокойно – еще неделю не родишь». Она и пошла дальше на поезд в Шестихино, а это еще пять километров. По дороге начались схватки, еле дошла до станции. Родила в медпункте кирпичного завода.

Я гуляла на улице, когда мне кто-то сказал о том, что мама родила мне братика. Не заходя домой, ничего не сказав бабушке и ничего с собой не взяв, пошла к маме в Шестихино. Она лежала на деревянной койке, отгороженная от всех простыней, а сбоку к ней прижимался завернутый в ее юбку, маленький, красный Алексей. Мама спросила, что я с собой принесла. Я ответила: «Ничего». Тогда мама велела мне идти назад и сказать обо всем бабушке. Потом маму увезли на поезде в Рыбинск, а там ее встретила скорая помощь.

Этой же осенью к нам окончательно вернулся папа. Вернулся, не снявшись с партучета. Его не отпускали из Уфы. Все его просьбы и доводы парторг отметал убийственным: «Партия лучше знает, где нужнее кадры». Мама посылала туда документы о моей болезни, о своей беременности – бесполезно. Папа договорился с начальником цеха, получил расчет и уехал, невзирая на угрозы парторга.

Потом он несколько раз из Рыбинска писал в Уфу, чтобы выслали партийные документы – безответно. В конце концов его вызвали в Ярославский обком партии и поставили условие – незамедлительно погаси задолженность по партвзносам или исключим из партии. Папа отказался гасить задолженность: «Не моя вина, что в Уфе с учета не снимали. А сейчас денег нет: троих детей и жену надо кормить». И папу исключили из партии.

²⁵ С сентября 1946 по октябрь 1957 года официальное название города было Щербаков, но горожане упрямо продолжали именовать его Рыбинском.

Конец сороковых

На двадцатом заводе начальство предложило папе продолжить работу старшим мастером, но он не согласился: «Надо помочь, помогу, а работать хочу простым фрезеровщиком – зарплата выше, сейчас это главное – семье надо выбираться из нищеты». Так он стал работать в цехе, где изготавливали приспособления для обработки деталей моторов, часто задерживался на работе, чтобы с главным технологом и начальником цеха обсудить, как что лучше сделать. Завод выделил нам две комнаты в коммунальной квартире в десятом доме на улице Молодежной. Дом был шлакоблочный. Боковая стена зимой промерзала. Позднее выяснилось, что в войну, во время бомбардировки, она была разрушена взрывом бомбы. Фашисты тогда метили в расположенное рядом здание 33-й школы. Там тогда располагался госпиталь и на крыше во всю ее длину был нарисован красный крест. Когда рисовали крест, думали, немцам не чуждо милосердие к раненым и увечным людям – ан просчитались. Стену нашего дома восстановили еще в войну, но наспех, а потому некачественно.

В комнатах было печное отопление. Печь держала тепло плохо и быстро остывала. Тяга была слабая, приходилось очень долго разжигать печь, но, и будучи прогретой, она периодически выпускала в комнату кольца дыма. Чтобы не угореть, мы даже в лютые морозы вынуждены были без конца проветривать помещения, открывая двери и форточку. Мебели у нас не было никакой. Я делала уроки на полу.

В первые же дни учебы учительница по математике, наш классный руководитель, пригрозила мне переводом из пятого класса в четвертый, потому что я не смогла рассказать ей правила деления на три. Но по русскому языку у меня были хорошие оценки, а по истории я получила единственную в классе пятерку, рассказав о Римской империи, поэтому другие учителя уговорили ее дать мне время, чтобы подучила предмет. Как-то в ноябре она зашла к нам в гости, понюхала въевшийся в стены запах гари, увидела маму, сидящую на полу с младенцем, меня, притулившуюся с учебником возле печки... Вероятно, она планировала высказать претензии родителям по поводу моих знаний математики, чтобы были со мной построже, не позволяли лениться, но увиденное настолько ее потрясло, что она сказала маме, будто просто ходит по домам своих учеников – посмотреть, кто как живет. После того неожиданного визита она резко переменяла свое отношение ко мне и теперь даже ставила в пример другим, как надо относиться к учебе, несмотря на внешние трудности.

Летом, готовясь к следующей зиме, папа вдоль всех наружных стен поставил щиты из досок и пространство между ними набил для теплоизоляции опилками. Печку, чтобы не дымила, перебрал, прочистил дымоходы. У папы вообще были золотые руки. В магазинах тогда все строительные материалы и мебель были страшным дефицитом. Чтобы обустроить быт, он стал сам изготавливать мебель. В сарайке, недалеко от дома, оборудовал столярную мастерскую, сделал верстаки, полати для материалов и инструмента. Просушивал доски, обстругивал их с двух сторон рубанком, размечал, как более экономно распилить, чтобы не было отходов. Постепенно в квартире появились: новый стол, табуретки, комод, шифоньер, диван, трюмо, сундук. Маме папа устраиваться на работу не разрешал: «Пойдешь работать – дети будут брошены». Тогда она попросила его сделать пяльцы и стала дома ткать ковры. Папа рисовал на мешковине какую-нибудь картину (он очень хорошо рисовал, из всех нас только Лене передался этот его талант), а мама потом ткала по его рисунку, другой раз просиживая за пяльцами до позднего вечера. Ниток тогда в продаже не было, она распускала на нитки детские носки, старые свитера. Квартира стала уютной: красивая мебель, стены в коврах, на подоконниках цветы, фикус в кадке возле стола. Несмотря на материальные трудности, мама давала мне деньги на покупку открыток по искусству, я ходила во Дворец культуры на различ-

ные мероприятия по абонементам, в театр, на оперы – «Демон», «Риголетто», «Евгений Онегин», на балет «Лебединое озеро», на разные концерты.

Из первых наших соседей особо выделялся живший в квартире над нами дядя Коля Водолазкин²⁶. Высокий, красивый, в длинной до пят армейской шинели, не ходивший, а буквально летавший по улице. И наверх к себе он поднимался не как все люди, а перепрыгивая сразу через две ступеньки. Помню двух его фронтовых друзей, оба были без ног, добирались до подъезда на низеньких самодельных инвалидных тележках, отталкиваясь от земли руками и гремя несмазанными подшипниками на всю улицу. Дядя Коля поднимал их по очереди вместе с тележками к себе на второй этаж. Прожил он в нашем доме недолго и вскоре переехал на новую квартиру.

Леня рос высоким мальчиком. В доме его считали старше ровесников и потому заводилой: что ребята не сделают – Леня виноват. Однажды одна женщина пришла к маме жаловаться на него. Мама месила тесто. Женщина раскричалась, а потом с силой ударила Леню по щеке. Мама со словами: «Ты еще будешь бить моего ребенка!» – надела ей квашню на голову. Больше жаловаться на Леню никто не приходил. Мы, дети, ни разу ни бранных слов от родителей не слышали, ни шлепков от них не имели. Да и между собой они при нас никогда не ругались.

У мамы здоровье было плохое: ревматизм, подагра, комбинированный порок сердца. Ведь она всю жизнь полоскала белье руками: то в проруби на Волге, то под краном в ледяной воде. У папы со здоровьем все было в порядке. Я, Володя, Алексей и мама, бывало, валяемся с гриппом и высокой температурой, а он не болеет и ухаживает за нами.

Я любила читать папину записную книжку. Он ее всегда носил в нагрудном кармане пиджака. Грязная, вся исписанная какими-то формулами, расчетами стали и других металлов. Я ее вытаскивала, перелистывала и клала обратно в карман его пиджака.

Долгое время после войны в стране не хватало не только мебели и стройматериалов, но и самых необходимых продовольственных товаров. Мама жарила картошку на рыбьем жире – вкус отвратительный. Когда отменили карточную систему, в магазинах начались перебои с хлебом. Очередь занимали с вечера. На ладошке чернильным карандашом писали твой номер, часто трех-четырёхзначный. Пересчитывались несколько раз за ночь. Пропустила очередь – и пропала твоя очередь. Иногда стояла в очереди с Леной на руках. У него на голове были кудряшки до плеч, такой симпатяга, а бабки мне в очереди с упреком: «Ишь ты! Молоко на губах не обсохло, а уже мамаша». Приходилось огрызаться.

В дверях магазина было прорезано окно, в него и подавали хлеб. Одна буханка в руки. На нашу семью это было меньше, чем по карточкам. Кто один жил – тому тоже буханка в руки. Началась спекуляция хлебом. Горе, если не успевала получить хлеб до 15 часов. На заводе конец смены. Мужчины заполняли все крыльцо, лезли к дверям прямо по головам, наступали на спины, плечи, головы. Потом вдоль завода поставили хлебные ларьки, на каждый цех свой ларек со списком рабочих. Иногда давали в руки больше одной буханки. Стало легче. Мама на Новый год (*не помню, на какой точно*) нарезала на тарелку гору черного хлеба. Мы ели его досыта, посыпая сверху сахарным песком и поливая водой. Было очень вкусно.

²⁶ Водолазкин Николай Степанович (1921 – 1981) – Герой Советского Союза, гвардии старший сержант, танкист, награжден орденом Ленина, медалями. В течение трехдневных непрерывных боев за Севастополь экипаж его танка уничтожил 4 немецких танка, 6 пушек, шестиствольный миномет, 12 огневых точек, 18 станковых пулеметов, разбил 3 дота и 5 дзотов, 4 автомашины и 15 повозок с грузом, уничтожил 180 солдат и офицеров противника. Затем преследуя отступавшего противника в районе бухты Камышевская, танк ворвался в боевые порядки противника и подмял под себя почти сотню немецких солдат и офицеров. Легендарная «тридцатьчетверка», водителем которой был Н. С. Водолазкин, закончила свой боевой путь в Севастополе. После войны ее подняли на пьедестал, как символ доблести и мужества советских танкистов. Демобилизовавшись Н. С. Водолазкин работал инженером на двадцатом заводе. В начале восьмидесятых я узнала от общих знакомых, что в январе 1981 года он умер – прихватило сердце, когда стоял в очереди за сметаной. Имя Н. С. Водолазкина высечено на Алле Славы в Рыбинске.

В грибную пору папа каждый выходной ездил за Волгу в лес. Выходил из дома часа в четыре утра, прихватив с собой картошку или краюшку хлеба и флягу с водой, а возвращался уже под вечер, неся на плече тяжеленную, полную грибов и ягод бельевую корзину. Потом всей семьей перебирали лесной урожай. На ужин мама жарила грибы с картошкой, а после ужина иногда замешивала тесто, чтобы с утра напечь для нас пирогов. Отдельно к ним она еще готовила специальную подливу – таких вкусных грибных пирогов с подливой, как дома, я нигде больше не ела. А какие ароматные ягодные варенья были у нас! Сделанных осенью и летом запасов сухих и соленых грибов, сушеных ягод, варений хватало нам до следующего лета.

1950 год. Мама в городском роддоме родила Диму. Папа на 7 ноября напек пирогов с яблоками и еще какой-то начинкой. Пироги получились присадистые, но папа с гордостью – сам испек! – понес их маме в роддом.

Чтобы прокормить себя и свои семьи, горожане устраивали на пустырях огороды. Наши два шлакоблочных дома (восьмой и десятый) с наружных сторон были окружены грядами с картошкой. Играя в прятки, мы, ребята, часто прятались в межах между гряд.

Двор наш был дружный. Несколько раз всей ватагой с двух домов ездили в лес за Волгу. Через реку переправлялись на лодках. За перевоз надо было платить деньги. Каждый лодочник обычно старался набрать себе побольше людей. Иногда было страшно, так как перегруженная лодка даже при небольшой волне черпала бортами воду. Однажды мы убили в лесу гадюку. Взяли ее с собой и несем на палочке. Неожиданно вышли на большую поляну в расположении воинской части. Посередине поляны пожарный щит с лопаткой, топориком, крючками. Ну, мы и повесили мертвую змею на этот щит, а сами принялись исследовать – как тут все у военных устроено. Заглянули в одну землянку – там кровати стоят железные, двухъярусные. Интересно, любопытно и жутко. Спустились в другую – посередине стол, вокруг него скамейки, а в углу печка-буржуйка. Выбрались наружу, обошли вокруг, увидели столб с колоколом. Мальчишки ударили в колокол, откуда-то выскочил солдат и прогнал нас.

Не помню, из каких источников до нас, ребятни, дошел слух, что в Рыбинске полно шпионов. Они прячутся на чердаках, а ходят в черных шляпах и костюмах. Мы как узнали про это, так всем двором отправились на поиски вражеских агентов. На чердаки не полезли – страшно. А вот городские улицы и дворы тщательно обследовали, но никого в черных шляпах нам на глаза не попало. Повезло людям!

Вторая школа

В те годы мальчики и девочки учились отдельно. Поэтому я училась во второй школе имени Н. К. Крупской, а Вову определили в тридцать третью, рядом с нашим домом. Но в здании тридцать третьей еще несколько лет после войны часть помещений оставалась занятой под госпиталь, поэтому ребята из наших домов учились, как и мы, девочки, в здании второй школы, но только в третью смену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.